

в 1705 и следующие годы переживавшую кризис из-за ухода большого количества русских учеников.

Эти справки показывают, что педагогическая деятельность иезуитов в Москве в русской среде вызывала и в 1699 году и позднее серьезные возражения со стороны московских церковных кругов. В выступлениях Яворского играло известную роль, конечно, стремление защитить интересы созданной им русской православной школы. И ему и православному школьному окружению казалось, что все русские должны быть их учениками, а не учиться у иезуитов. Эта чисто деловая и практическая аргументация не имела успеха. Иезуиты ввели в свой курс преподавание столь ценного царем предмета, как немецкий язык, которого русские учителя не знали.⁴⁴ Это несколько укрепило позиции школы иезуитов.

Но в руках их противников всегда сохранял полную силу иной аргумент — аргумент веры. Его выдвигали в 1686 и в 1689 годах патриарх Иоаким, потом в 1698 или 1699 годах Адриан, а в 1701 году Стефан Яворский. В первые годы XVIII века этот довод не мог оказать на царя Петра такое же действие, как в годы его юности, в 1689 году. Прямая польза от школьного обучения, хотя бы и у иезуитов, перевешивала в его сознании опасения возможного или предполагаемого повреждения правoverия. Все же естественно спросить — действительно ли существовала опасность католического влияния в школе иезуитов в Москве или же она исключалась?

Сами иезуиты не исключали, конечно, возможность использовать свою педагогическую деятельность в интересах конфессионального влияния «ad maiorem Dei gloriam». Они, в частности, приветствовали приток в их школу протестантских детей, как благоприятный случай «понемногу внушать им правила благочестия»,⁴⁵ т. е. католичества. Эти правила могли внушаться также православным ученикам. Не забудем, что иезуитская школа не была лишь училищем языков и определенных наук, она являлась вместе с тем и воспитательным учреждением, и пансионом, и интернатом со всем вытекающим из форм общежития порядком общения между учащимися и педагогическим персоналом. Уже на первых порах своей работы в школе московские иезуиты заботились о том, чтобы в Москву был прислан подходящий учитель, лучше всего иезуит, но в светской одежде, — такой особый учитель мог бы исключить то недоверие к школе, какое возбуждала в неkatоликах работа с учениками самих католических миссионеров.⁴⁶

Однако и наличие особого учителя, внешне занятого якобы только педагогической работой, не исключала из обихода школы обычных форм и порядков столь устоявшейся иезуитской школьной практики. Иезуиты придавали большое значение системе наград и просили прислать им из Чехии для этой цели набор образцов, картинок, четок, изображений Агнца и т. п., «все это якобы весьма нравится русским» и без наград «здесь совершенно цепенеет ум».⁴⁷ Вспомним, что в 1689 году в вину Давиду и Тихавскому ставили распространение таких изображений, усматривая в этом попытку католического влияния. С другой стороны, иезуиты Милан и, особенно, ведавший школой Берула постоянно, по пятницам, вели с учениками беседы на религиозно-нравственные темы — о значении греха, о наказаниях за него, о доброй жизни христианина и т. п.⁴⁸ Эти поучения предназначались также и для русских учеников.⁴⁹ Была ли в этом какая-нибудь опасность для их верности православию? Как бы ни были все эти поучения стилизованы в на-

⁴⁴ Письма и донесения, №№ 253 (60), 260 (61).

⁴⁵ Там же, № 237 (21—23), ср. №№ 256 (57), 268 (72), 228 (158).

⁴⁶ Там же, №№ 237 (21—21), 263 (65).

⁴⁷ Там же, №№ 260—261 (62—63), 271 (76).

⁴⁸ Там же, №№ 357 (191), 359 (193) и сл.

⁴⁹ Там же, №№ 357—358 (192).